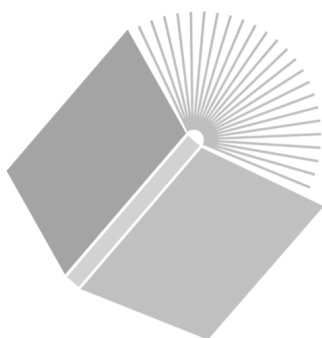

АЛФА
ВИТ
НАВИД
КЕРМАНИ
ДО
ОТ
AS

INSPIRIA
Москва

Алфа
Вит
НАВИД
КЕРМАНИ
ДО
ОТ
AS

INSPIRIA
Москва

УДК 821.112.2-31

ББК 84(4Гем)-44

К36

Navid Kermani
DAS ALPHABET BIS S

Copyright © 2023 Carl Hanser Verlag GmbH & Co. KG, München

Перевод с немецкого *Аделии Зубаревой*

Благодарим Александру Шалашову за помощь,
в переводе некоторых стихотворений.

Кермани, Навид.

К36 Алфавит от А до S / Навид Кермани ; [перевод с немецкого А. Зубаревой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 704 с.

ISBN 978-5-04-206394-7

Популярная писательница иранского происхождения переживает непростые времена. Под угрозой оказывается ее карьера, которой она посвятила всю жизнь и ради которой от многого отказалась. За поддержкой она обращается к книгам — решает перебрать домашнюю библиотеку, расставить книги по алфавиту и прочитать те, что никогда не читала. Героиня беседует с ними как с живыми людьми — зацепившись за ту или иную мысль, она проецирует ее на окружающую действительность, политические события, свою личную жизнь: смерть матери, развод с мужем, болезнь сына. Ее размышления наполнены воспоминаниями о юности — эмансипации в 16 лет, сложных отношениях с родителями, поисках своего места в мире. Эта книга по сути своей — признание в любви литературе: роман, дневник, эссе и исследование себя в одном флаконе.

УДК 821.112.2-31

ББК 84(4Гем)-44

© Зубарева А., перевод на русский язык, 2025

© Оформление.

ISBN 978-5-04-206394-7

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Зима

1

Навестив могилу матери, которую привел в порядок кладбищенский садовник, ощущаю своего рода утешение: темно-коричневый прямоугольник земли, рыхлой, как торф, аккуратно выровнен. Участок достаточно большой, чтобы вместить и отца, и меня, и будущие поколения. Мой сын уже заявил, что хочет покоем с семьей, когда придет его время. В качестве маркировки и простого украшения на нижних углах могилы лежат две квадратные каменные плиты, и благодаря цветочным венкам она больше похожа на клумбу, чем на место погребения. Верхняя часть участка заметно повернута в сторону Мекки, что отличает мамину могилу от соседних. За две недели земля не успела просесть, а венки — увянуть. Деревянная табличка с арабской «Бисмилля» тоже выделяется среди немецких могил, как и имя, написанное задом наперед — из-за недосмотра шиитского погребального служащего. По крайней мере, неверный год рождения — не его вина; мы сами должны были сказать, что в паспорте он указан неправильно. В прошлом на такие вещи в Иране смотрели сквозь пальцы. Встает вопрос: посмотреть ли и нам на случившееся сквозь пальцы и подождать, пока табличку заменят на надгробие, или заменить ее самим?

Отец хотел посетить могилу вчера, перед праздником, который в этом году праздником не был, но мы при-

ехали слишком поздно — кладбище без предупреждений и объяснений закрылось на час раньше. В четверть пятого еще можно было выйти, но не войти, и перед нами открылся странный вид: пока одни выходили через тяжелую железную калитку на улицу, словно воскресшие, другие напрасно трясли ворота, как будто им отказывали в смерти. Некоторые опоздавшие оставляли букеты на кладбищенской стене или перебрасывали через нее. Эти цветы становятся данью всем покойным, что, возможно, даже более значимый жест.

Что такое горе? Даже отец взял себя в руки — по крайней мере, так может показаться со стороны. Делаешь все, что считаешь своим долгом или воображаешь таковым, вплетаешь привычные дела в свой день, хотя без строгого расписания это дается с трудом, было бы проще, если бы ты каждое утро вставала на работу. Снова смеешься (да, смеешься!), пусть и не слишком часто, избегаешь праздников, но с благодарностью идешь в кино или на концерт, где можно отпустить тревожные мысли и отдохнуть. Ты вспоминаешь, что жива, и смотришь на мир и людей с большей нежностью, потому что острее осознаешь их недолговечность. Становишься добрее обычного, как и люди вокруг. Ты смогла бы ощутить желание, если бы было к кому, и не чувствовала бы стыда ни перед умершей матерью, ни перед женщиной, который больше не с тобой. Ты могла бы забыться и обрести освобождение хотя бы на несколько долей секунды, которые никто не считает.

Новогоднюю ночь мы встречали вчетвером: мой отец, которого я не хотела оставлять одного, мой сын и моя лучшая подруга, которая, в свою очередь, не хотела оставлять меня одну. Она приготовила шницели с картофельным салатом, а на десерт — мороженое, чтобы все было

просто. «Настоящая немецкая еда», — как одобрительно отметил отец. Места за столом, где сидели моя мать и муж, остались незанятыми. Похоже, что горе усиливает сердечную боль и наоборот. По крайней мере, я едва ли могу различить их, все сливается в одно неожиданно глубокое чувство. Горе и боль похожи, что удивительно. Тот, кто еще недавно был самым близким, даже во время ссор все равно остававшийся родным человеком, стал незнакомцем. Нет, даже хуже, ведь с незнакомцем можно познакомиться, выпить чаю, поговорить. Любовь ушла, и ему больше нельзя позвонить просто так, только по какому-то вопросу, будто он консультант по банковским продуктам или оператор службы поддержки железной дороги. Мне кажется, я не выглядела подавленной, тем не менее никто не пытался уговорить меня пойти с подругой на вечеринку после полуночи, даже сын не упрашивал меня заняться то одним, то другим, и оба этих факта — приятный ужин и то, что другие все равно чувствовали мое горе или разделяли его, — оказались кстати. Как и каждый год, в полночь мы встретились с соседями на крыше, чтобы поднять бокалы. Двое из них помогли отцу подняться по лестнице, чтобы и он смог увидеть освещенный собор, казавшийся частью фейерверка. Вот что такое горе: когда счастье, которое существует, больше не проникает в тебя. Ты видишь его, оно здесь, и ты кланяешься ему или пожимаешь руку, как посетителю у могилы, но не более того.

2

Вечером иду в кино — уже третий раз за неделю, потому что до этого почти пять месяцев не ходила. Со времен романтизма сюжеты почти не меняются: ничего

не подозревающий герой выходит из дома, и... на него обрушивается реальность, которая изменяет его жизнь — либо разрушает, либо очищает, все зависит от режиссера, жанра и страны. Но что же будет потом? Мне интересно, я с нетерпением, как в кинотеатре, жду, что будет дальше — в этом году, на этой неделе, завтра. Будет ли что-то после перемен, очищения, разрушения? Продолжится ли та высшая степень, которая проявляется в виде врачей скорой помощи, семейных судов или отца, который еще не знает, останется ли ему от жизни что-то большее, чем быстрая или медленная смерть?

3

Реальность: утром я составляла список тех, кого пригласить на Чехелом, исламский аналог шестинедельной панихиды, но очередной звонок снова прервал мои дела. Вчера вечером пришлось оставить отца в больнице. Он просил передать родственникам, чтобы те ему не звонили — это его не порадует, а только расстроит. По крайней мере, из его палаты открывается вид на собор.

В этом дневнике — дневнике без дат, каким я его себе представляла, — не должно быть каких-либо упоминаний обо мне. Только о том, что видят глаза и слышат уши, которые являются моими. Но даже хроникер, репортер, свидетель не может полностью избавиться от чувств. В такие дни, как сегодня, я не могу зафиксировать впечатление, которое действительно имеет для меня значение. Глаза закрываются, как только я сажусь за стол, но, если я ложусь в постель, тревоги разгоняют сон. Неужели сегодня не произошло ничего, о чем можно было бы сообщить, не передавая своего настроения и не раскрывая свою личную жизнь — хотя

бы один момент, одно наблюдение, в котором я была бы только глазами и ушами, без настроений и личных переживаний?

Выйдя из больницы, я наконец-то перезвонила редактору. Она не сердилась за мое долгое молчание, но черновые главы нужно было срочно отправить.

Я должна была скорее вернуться к сыну, который ждал дома, и купить хлеба по дороге. Пока редактор решала, какую главу предложить газете — о Мали, Йемене или Чечне, я шла по пригородному району, пустому, как деревня после рабочего дня, с несколькими освещенными магазинами и убогими трехэтажными домами послевоенной постройки, которые жители благополучных районов видят разве что по телевизору. Вероятно, до войны вокруг были поля, которые не пришлось расчищать от руин для застройки, а позже здесь построили больницу, чтобы в районе было что-то, кроме дешевого жилья.

— Может, возьмем езидов? — спросила я редактора, которая тем временем представляла, как я ищу пекарню на северной окраине Кёльна. Я прервала разговор, только когда подошла моя очередь, купила одну из трех оставшихся буханок хлеба и, уже расплачиваясь, вернулась к теме Исламского государства¹.

— Они на слуху, — ответила редактор, объясняя, почему фронтовой репортаж из Ирака показался ей недостаточно оригинальным для публикации. — Тогда уж лучше Донбасс.

Оказавшись в машине, я пробовала положить телефон — маленькую «Нокию», с помощью которой я демонстрирую свою приверженность культурной критике, — и так, и эдак: клала на колени, зажимала между бедрами,

¹ Террористическая организация, запрещена в РФ.

прислоняла к коробке передач и по просьбе редактора даже включила двигатель, чтобы проверить, слышим ли мы друг друга во время движения.

— Давай обсудим Мьянму.

Возвращаясь в центр по все более оживленным улицам ночного города, я вспоминала лагерь беженцев в Бангладеш. Я на удивление быстро нашла свободное место — редкое везение! — и припарковалась с первой попытки, поэтому, когда входила в квартиру и целовала сына в лоб, я все еще говорила о рохинджа. Еще одно редкое событие — ему понравился простой ржаной хлеб, действительно очень вкусный, с кисловатым привкусом и плотным мякишем. Из такого хлеба мама делала нам с сестрами бутерброды в школу.

— Если книга станет успешной, я куплю себе гарнитуру, — весело объявила я.

— Без смартфона она тебе мало чем поможет, — заметил сын.

4

Краем глаза наблюдаю за разворачивающейся за соседним столиком драмой: все идет по канонам — от сдержанных криков до слез и примирительного бокала просекко. Правда, драма разыгрывается между двумя женщинами, но слова, жесты и даже распределение ролей могли бы принадлежать любой другой паре нашего возраста и социального положения. Ужасно видеть собственные гримасы в неискаженном зеркале. Искажены наши отношения, в которых каждый хочет быть собой, а не другим, так мы были научены и не можем избавиться от этих ложных знаний. Среди наших друзей не осталось ни одной пары нашего возраста и положения, которая

еще бы могла примириться за бокалом просекко. Вместо этого после слез приходит чувство вины и осознание, что у детей не будет полной семьи. Насколько глубоко развод травмирует детей, если даже у взрослых остается впечатление, будто их бросили мать или отец или оба сразу?

Если бы за соседним столом вместо незнакомок ссорилась пара из нашего круга друзей, я бы все равно спросила себя «кто они такие?». Я бы их не узнала, потому что каждый из них выставляет другого в плохом свете. Если рядом друг с другом они становятся худшими версиями себя, то, возможно, им действительно лучше расстаться. Ведь именно благодаря любви, гармонии и единству, которые царили между ними до недавнего времени, их сын стал таким замечательным, сильным и сострадательным. До самого конца они оставались нежными друг с другом, даже когда разрыв уже был неизбежен, как будто их тела еще не осознали того, что произошло с их душами. И краем глаза я словно наблюдаю и за нами.

5

Ослепляет вспышка дорожной камеры, и на одну десятую долю секунды, когда видишь только красный свет, — самый банальный момент в мире, за которым следует мимолетный взгляд на спидометр, тебя каждый раз пронзает, словно током. Вдруг все вокруг перестает существовать, тебя разом вырывает из забот, печалей и размышлений, возможно, из сексуальной фантазии или даже влюбленности. Кажется, будто тебя настигла некая высшая сила, узнавшая обо всем, что ты натворил... А потом понимаешь: дело всего лишь в превышении скорости. И чувствуешь почти облегчение: скорость где-то между шестьюдеся-

тью и семьюдесятью, а с учетом погрешности — скорее всего, меньше шестидесяти. В жизни есть более серьезные ошибки, которые ты совершила.

6

Омовение покойника. Никогда бы не подумала, что какое-то событие сможет потрясти меня сильнее, чем рождение ребенка, настолько сильно, что осознаешь это только с запозданием. По сравнению с этим смерть казалась почти естественной, во всяком случае не неожиданной — переходом, о котором я столько слышала и читала, и именно так оно и произошло: дыхание остановилось, и я продолжала смотреть на маму еще какое-то время, словно ей вслед. Что-то живое еще оставалось в комнате. При рождении направление противоположное — прижимаешь к груди существо, которое только что появилось на свет, тебя охватывает удивление, переходящее в радость и восторг. У маминого смертного одра я, пережив первый шок и проронив немного слез, оставалась спокойной, внимательной и с ясным разумом, радуясь, что мама ушла мирно, одна рука лежала у нее на животе, другая — вдоль тела, а лицо как будто помолодело на десятилетия. Только во время погребальной молитвы, когда присоединился имам, слезы прорвались наружу, и даже это казалось правильным.

С чем-то абсолютно необъяснимым, как при рождении, я столкнулась только тогда, когда мы омывали мамино ледяное тело под чутким и нежным руководством омывальщицы из мечети. Этот неспешный процесс был не таким ужасным, как я предполагала. Даже запах казался правильным. Удивительным было лишь то, что тело все еще здесь, его можно потрогать, но теперь оно — лишь

оболочка. Глядя на то, как уважительно и бережно обращаются с мамой после смерти — не так, как в больнице, где она ежедневно подвергалась чужим взглядам и самым унижительным процедурам, я остро ощущала, что человек сохраняет свое достоинство. Омывальщица приподнимала покрывало ровно настолько, насколько это было необходимо, и при этом отворачивала взгляд. Когда каждый миллиметр маминой кожи был омыт, когда ее волосы были ополоснуты после шампуня, а тело окроплено самыми тонкими эссенциями из Ливана и обернуто в белое полотнище, мы вчетвером подняли ее. Видимо, у нас с сестрами возникла одна и та же мысль, во всяком случае, мы удивленно переглянулись: тело оказалось легким, намного легче, чем мы ожидали. Неужели душа так много весила? Повторяя за омывальщицей молитву, мы уложили мать в гроб и долго смотрели на нее.

— У нее такое лицо, будто она уже на небесах, — прошептала одна из нас, — она такая красивая.

— Мама — ангел, — тихо произнесла другая детским голосом.

Наконец омывальщица накрыла лицо тканью.

7

Я в восторге от новой детской с галогеновыми светильниками и аккуратно развешанными картинами и горжусь тем, что мы справились с ремонтом сами, без посторонней помощи, несмотря на то что отец всегда отказывался учить меня сверлить. Он всегда был довольно просвещенным человеком, но считал, что дрель не для женских рук. Теперь руки отца дрожат; когда и третья дыра получилась размером с кулак, он впервые сердито выругался на сбегавшего зятя.

8

Сколько бы книг ты ни написала, сердце каждый раз замирает, как в первый, когда у порога под почтовым ящиком находишь посылку с новой книгой. Ты вскрываешь упаковку не сразу, а в тишине и обязательно в одиночестве, поднимаешься наверх, закрываешь за собой дверь. Сначала рассматриваешь обложку, удивляешься аннотации, как будто не знаешь ее наизусть, снимаешь суперобложку и проводишь рукой по переплету, по буквам на нем, листаешь страницы, задерживаясь на некоторых, и надеешься, что с читателями в книжном магазине будет происходить то же самое. Проверяешь благодарности, если они есть, и почти всегда находишь первую ошибку — ведь чаще всего оплошности случаются на последнем этапе верстки. Если ты все еще довольна книгой, несмотря на мелкие недочеты, то мысленно благодаришь издательство и типографию, которые, словно старинные мастерские, уделили внимание даже незначительным деталям, таким как: широкие поля, ляссе в цвет обложки, прочный переплет, соответствующий содержанию шрифт, экологичная бумага. И благодаришь читателей, которые, кажется, находятся на грани исчезновения, но продолжают тебя поддерживать.

9

Мысленно готовлюсь к поминальной церемонии, и в голову неожиданно, как это часто бывает во время пробежки, приходит идея напечатать траурную речь в виде брошюры — внести свою профессиональную лепту в семью, как другие родственники вносят благодаря работе в юридической, медицинской или финансовой сферах.